

УДК 821.111(73)
ББК 84(7)-445
Б68

James P. Blaylock
HOMUNCULUS

Перевод с английского
Алан Кубатиев

Послесловие
Николай Караев

Дизайнер обложки
Александр Андрейчук

Художник-иллюстратор
Сергей Жужнев

Публикуется с разрешения автора
и его литературного агента *Zeno Agency Limited*
при содействии *Агентства Александра Корженевского*

Блэйлок Дж.

Б68 Гомункул : [роман] / Джеймс Блэйлок; [пер. с англ. А. Кубатиева]. — СПб. : Аркадия, 2019. — 472 с. — (Серия «Приключения Лэнгдона Сент-Ива»).

ISBN 978-5-906986-81-8

Викторианская эпоха, затянутые туманной пеленой улицы Лондона. В тусклом небе проплывает дирижабль: за его штурвалом стоит скелет в истлевшем сюртуке, а в гондоле спрятано что-то удивительное, может, драгоценное. Но что? За разгадкой тайны воздушного судна охотятся члены Королевской академии наук, корыстный проповедник Армагеддона, изувер-вивисектор с обезумевшим подручным, лишенный совести миллионер и... разношерстная компания поборников истины во главе с ученым-изобретателем Лэнгдоном Сент-Ивом.

Под силу ли таинственному «существу из бутылки», прибывшему на Землю в незапамятные времена, уберечься от хищных лап злодеев?

УДК 821.111 (73)
ББК 84(7)-445

© James P. Blaylock, 1986, 2013
© Издание на русском языке,
перевод на русский язык, оформление.
ООО «Издательство Аркадия», 2019

ISBN 978-5-906986-81-8

Посвящается Вики
и Тиму Пауэрсам —
за фонтаны отличных идей,
безграничную дружбу
и веселые пирушки,
а также Серене Пауэрс,
которая заслуживает куда большего,
чем это скромное сочинение.

Уильям Хэзлитт шлет свои извинения
Дженни Банн.

Напившись чаю и сидя перед опустевшей чашкой «напитка, веселящего без дурмана», аромат которого обволакивает мозг, сколь восхитительно раздумывать о том, что именно заказать на ужин: яйца с ветчиной, тушеного с луком кролика или же превосходнейшие телячьи котлеты! Однажды Санчо в сходной ситуации остановился на говяжьём студне; и выбор его, хоть и вынужденный, заслуживает внимания¹.

*Уильям Хэзлитт.
О путешествиях*

Я предпочел бы продолжать цитату: хоть мы нынче и отменные искусники, писать как Хэзлитт все же не способны. И, кстати говоря, эссе Хэзлитта — незаменимый спутник для такого рода путешествий, как и томик стихов Эшблесса²; а уж за приятственность компании «Тристрама Шенди»³ я лично готов поручиться.

*Роберт Льюис Стивенсон.
Маршруты прогулок⁴*

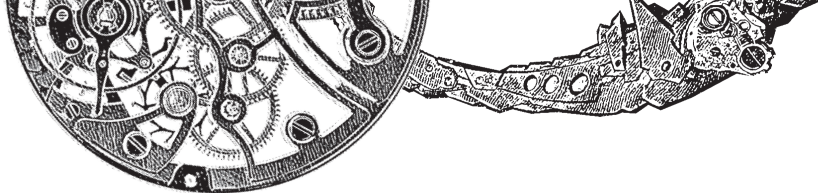
¹ Цитата приведена в переводе С. Шик.

² Эшблесс, Уильям — литературная мистификация; американский поэт XIX века, измышленный Робертом Блэйлоком и Тимом Пауэрсом в их бытность студентами Калифорнийского университета. Публиковался в университетском журнале. — *Здесь и далее примеч. перев.*

³ Полное название «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» — незавершенный юмористический роман британского писателя Лоренса Стерна (1713–1768).

⁴ Цитата из вымышленного Блэйлоком произведения Роберта Стивенсона.

ПРОЛОГ

ЛОНДОН. 1870

Косматые, как овечья шерсть, тучи выстроили арку над проливом Святого Георга, огромным луком выгнулись от залива Кардиган вокруг мыса Страмбл-Хед и портовых огней Милфорд-Хейвена, скрыли звездное небо по краям — над Суонси и Кардиффом. За Бристолем тучи редели и, расступаясь, спешили прочь по небесному тракту, который протянулся к укутаным в тени холмам Котсуолда и истокам Темзы, а оттуда на восток — к Оксфорду, Мейденхеду и Лондону... Но вот звезды замерцали, исчезая, а молодой полумесяц тускло блистал перед ними, словно раздутый ветром парус темного судна, скользящего среди небесных островов на волнах звездного отлива.

Гонимая ветром, на юго-восток вслед за месяцем — через всю северную Атлантику от самой Исландии, — неумолимо приближаясь к Лондону, смещалась овальная тень.

За два часа до рассвета ветер над Челси сделался порывистым, а небо просветлело, как набранная в бутылку речная вода: тучи разошлись далеко за горизонт, скапливаясь на западе и востоке. Листья, пыль и клочки бумаги, кружа, неслись во тьме через парк Баттерси, над составленными вдоль берега прогулочными лодками, огибали башню собора Святого Луки и исчезали во тьме. Ветер, о котором и не подозревал спящий город, немало докучал горбуну, правившему двуколкой по набережной Челси в сторону Пимлико, и тот вовсю клял непогоду. Лишь стянутый веревками, бугрящийся брезент скрывал от праздных глаз чудовищную поклажу его убогой повозки.

Горбатый возница глянул через плечо. Край брезента хлопал на ветру; надо бы поправить, ведь негоже открывать груз, да время дороже золота. Город начинал шевелиться. Телеги усердных лоточников и зеленщиков уже гремели по брусчатке, устремившись к рынку, а лодки с уловом устриц бесшумно скользили по мелководью Челси в сторону торговых рядов Биллингсгейта⁵.

И все же горбун натянул поводья, спустился на мощеную мостовую и потуже закрепил брезент. Когда он закончил и отвернулся, ветер с северо-востока ударил ему в спину; из-под брезента пахнуло гнилостным зловонием. Такова

---

⁵ Крупнейший рыбный рынок Лондона (XVI—XX вв.).

цена научного знания. Уже с ногой на подножке, горбун вдруг замер, охваченный страхом: впереди застыл прохожий с ручной тележкой, полной тряпья. Выпучив глаза и изумленно открыв рот, он стоял без движения. Горбун смерил помеху мрачным взглядом, да только его немая угроза растворилась в утренней мгле.

Но вовсе не горбун и не его повозка потрясли старьевщика: тот смотрел ввысь, на тень, скрывшую верхний рог месяца, — на тусклый силуэт огромного дирижабля, под которым качалась ребристая гондола. Воздух заполнил едва различимый, но всепроницающий гул, чье ритмичное эхо отразилось от купола ночных небес.

Горбун вспрыгнул на подножку и хлестнул испуганную лошадь; его экипаж рванулся вперед, отбросив тележку прохожего к каменному устью набережной и разметав тряпье по мостовой. Ошеломленный зрелищем старьевщик этого даже не заметил. Под свист ветра и гул пропеллеров над головой горбун торопился обогнуть низину Найн-Элмс, чтобы поскорее скрыться в Вестминстере. Дирижабль же, потихоньку снижаясь, продолжал свой полет, увлекаемый ветром к Вест-Энду...

На Джермин-стрит дома стояли темными, а переулки были безлюдны. Ветер стучал незакрепленными ставнями и незапертыми дверьми, раскачивал новую деревянную вывеску «Трубок

капитана Пауэrsa», пока в ранних сумерках наконец не сдернул ее со штыря и не погнал кувырком вдоль по Споуд-стрит. Источниками света здесь служили лишь пара тусклых газовых фонарей в окне мансарды напротив. Всякий, кто попытался бы всмотреться в это окошко, стоя в лавке капитана Пауэrsa, был бы сражен видом птеродактиля с отталкивающей ухмылкой на скорбно опущенном каучуковом клюве. Позади доисторической птицы виднелось чье-то лицо, с очевидным неодобрением изучавшее сквозь окуляры распластанное на верстаке тельце обезьяны.

Впрочем, вовсе не предмет исследования тревожил человека в очках, а ветер. Что-то в его порывах заставляло нервничать, беспокоиться. Слишком много шума, причем шума зловещего. Когда же завывания ветреной ночи стихли, угасли, обратившись шорохами — то ли шепот листы сломанной ветки камфорного дерева на площади Сент-Джеймс, то ли шуршание смятой засаленной газеты, — и заскребли по оконному стеклу, мастер подскочил в испуге, злясь на себя. Не время было ложиться, солнце и так вскоре загонит его в постель — он шагнул к окну, распахнул оконную створку и высунулся в ночь.

А ветер и в самом деле нес странные звуки — сухой шелест насекомых, гул пчел... и что-то еще, не поддающееся точному определению. Поражаясь отсутствию тумана, он под-

нял глаза на звездное небо и месяц, повисший в небесах фигуркой из слоновой кости — тонкой, но достаточно яркой, чтобы по улице плыли призрачные контуры коньков крыш и дымовых труб.

Наконец, затворив оконную створку, мастер вернулся к своему верстаку с крошечным разобраным механизмом в глубочайшем недоумении. Гул насекомых начал стихать, а ползшая по брусчатке овальная тень удалилась в направлении Ковент-Гарден.

Еще не было четырех, когда лоточники всех мастей уже сгрудились на рынке, и потому всякому вновь прибывшему приходилось искать место, толкаясь и протискиваясь сквозь толпы зеленщиков, мусорщиков, нищих, проповедников и кошек.

Телеги и фургоны, полные овощей, сомкнули ряды вдоль трех сторон площади, заполнив ее горами лука и капусты, гороха и сельдерея. Западную же сторону запрудили коробки и корзины с благоуханным содержимым: розами, вербенами, гелиотропами, фуксиями... Исходящие от растений ароматы навевали воспоминания о местах, далеких от бурлящей сутолоки Боу-стрит и Мейден-лейн, да только воспоминания эти сразу же блекли под натиском сотен иных противоречивых запахов.

Запряженные ослами повозки и телеги забили все пять улиц, ведущих с площади. Среди них девицы с колючими связками шиповника,

соперничая с торговками яблоками, громогласно нахваливали свой товар. Весь рынок мерцал в свете газовых ламп и тысяч свечей, воткнутых в картофелины и горлышки бутылок или же прилепленных поверх потеков расплавленного воска на ручках тележек и на подоконниках, что пониже. На ветру их желтые огни танцевали, притухая и вспыхивая вновь.

Долговязый, истрепанный годами проповедник, всем и каждому представлявшийся как Шилох — сын Божий, дрожа на ветру в своей истрепанной рясе, грелся, то и дело выкрикивая назидательные призывы. Он наугад тыкал в лица прохожим свои брошюры, принимая сыпавшиеся отовсюду проклятия и затрецины с тою же невозмутимостью, с какой толпа пропускала мимо ушей его разглагольствования о грядущем конце света.

Месяц, желтый и тонкий, опустился за вокзал Ватерлоо, и звезды уже меркли одна за другой, когда дирижабль миновал рынок, а затем проплыл над набережной Виктории на своем пути к Биллингсгейту и Петтикоут-лейн. Всего на несколько секунд, когда качавшаяся под тушей дирижабля речная гондола оказалась высвечена бледным светом низкого месяца и его отсветами в облаках, тысячи лиц обратились к небу, и крик ужаса взмыл к небесам. Порыв ветра донес до замерших на площади людей скрип и вибрацию, смешанные с гулом вращающихся пропеллеров.

Внутри гондолы, с таким видом, словно ему доверили править не менее чем самой Луной, высилась неподвижная фигура в шляпе.

Пилот стоял, крепко сжав штурвал и широко расставив ноги, подобно рулевому на судне, борющемуся с океанской качкой. Ветер трепал его изодранный плащ, хлопал фалдами, открывая взглядам темный изгиб грудной клетки, начисто лишенной плоти, и мертвенный лунный свет блестел в полумесяцах пустоты меж ребрами. Ручные кандалы приковывали пилота к штурвалу, каковой и сам был надежно привязан к опорной стойке меж двух застекленных иллюминаторов.

Гондола выправилась, и месяц скрылся за коньками крыш. Дирижабль, басовито жужжа, продолжал полет, непреклонно придерживаясь курса на восток Лондона. Для проповедника появление воздушного судна с чудовищным рулевым стало посланным свыше знамением, начертанными на стене загадочными письменами, даже более верной приметой приближения Судного дня, чем приближение какой-то кометы. Дела его незамедлительно пошли на лад, и круглая дюжина новообращенных простаков потеряли свои кровные к тому времени, как солнце удосушилось подняться на востоке.

На рассвете дирижабль был замечен над Биллингсгейтом. Потертая ненастями гондола скрипела на ветру, словно корпус корабля на неспешной волне, а ее зловещий рулевой,

прикованный к деревянной раковине перевернутого «орлиного гнезда», совсем как морской волк, брошенный былыми товарищами на затерянной в море скале, незряче взирал вниз, на телеги рыбаков, на рыночных перекупщиков и на снующие тачки с корзинами, полными моллюсков и угрей.

Беззаботный ветер, кружа, нес запахи свежего улова дальше на восток, вдоль Нижней Темза-стрит, чтобы омыть здание Таможни и лондонский Тауэр душком морских водорослей, соленых брызг и отмелей, сохнувших на отливе. Продавец кальмаров, стащив с себя кепку и щурясь на рассветную зарю, безрадостно покачал головой вслед пролетевшему аэростату, а затем коснулся лба двумя пальцами, словно отдавая салют его странному пилоту, да и вернулся к торговле эластичными обитателями морей, которые скорбно тарацились на него из своей корзины. Шли они по три штуки за пенс.

Людам на Петтикоут-лейн было недосуг празднично разглядывать диковинное судно у себя над головами. В ярких лучах солнца, сменивших отраженный свет юной луны, аэростат отчасти утратил загадочный флер и уже не мог сойти за предвестника всеобщей гибели. Нет, они задирали головы, тыча в небо пальцами, но единственным, кто при виде дирижабля пустился ему вослед, был некий служитель науки, облаченный в строгий сюртук из шерстяной